

УДК 94+327

Американская стратегия и международный порядок после холодной войны¹

И. А. Истомин

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Российская Федерация, 119445, Москва, пр. Вернадского, 76*

Для цитирования: *Истомин И. А.* Американская стратегия и международный порядок после холодной войны // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т.С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 405–431. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.28>

После окончания холодной войны США как держава, обладающая наибольшим экономическим и военным потенциалом, играли активную роль в перестройке институтов международного порядка. Автор ставит целью систематизировать опыт Соединенных Штатов 1990–2010-х годов в сфере мирорегулирования, оценив основные изменения в их стратегии в этот период. Основная часть статьи организована по хронологическому принципу. Вместе с тем рассмотрению особенностей американской политики предшествует систематизация основных противоречий в подходах крупных держав к международному порядку, изложенных в теоретической литературе. Далее последовательно проанализированы стратегии США в отношении глобальной системы экономического регулирования и институтов поддержания международной безопасности в периоды правления администраций У.Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. Проведенный анализ свидетельствует: на протяжении последней четверти века Соединенные Штаты демонстрировали широкий набор подходов в отношении системы международных институтов. Среда осуществления внешней политики Вашингтона за этот период существенно изменилась, снижая его способность направлять перестройку международных институтов. Вместе с тем поведение США, по крайней мере отчасти, определялось стратегическим выбором сменяющихся правящих администраций. В то же время практика американских действий в течение всего этого периода существенно отличалась от ожиданий, присутствующих в теоретической литературе, включая изрядный компонент ревизионизма.

Ключевые слова: США, внешнеполитическая стратегия, международные организации, международная безопасность, НАТО, мировая экономика, международные финансовые институты, ВТО.

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-03-00727.

Введение. Победа Д. Трампа на президентских выборах в США 2016 г. стимулировала активизацию дискуссии относительно перспектив сохранения и перестройки международного порядка. Его риторика в ходе кампании и решения на посту руководителя страны вызвали разговоры о возможном отходе Соединенных Штатов от поддержки системы институтов мирорегулирования, в создании которых они принимали непосредственное участие [1–3].

Подобный шаг создал бы значительные риски для сохранения либерального международного порядка. Западное научно-исследовательское сообщество оказалось не подготовлено к такой перспективе, так как разработанные им теоретические модели традиционно указывали на восходящие державы как на источник ревизионизма в международной политике [1–3].

В этом контексте настоящая статья ставит целью систематизировать прошлый опыт Соединенных Штатов в сфере мирорегулирования, оценив эволюцию их стратегии со времени окончания холодной войны. В ней проводится параллельный анализ американской политики в отношении двух типов международных институтов. Во-первых, рассматриваются механизмы организации политического порядка, призванного обеспечивать поддержание безопасности на мировой арене. Во-вторых, освещается трансформация международного экономического регулирования, способствующего бесперебойному функционированию глобальной торговой системы и мировых финансов.

Центральной с точки зрения задач настоящей статьи выступает категория международных институтов. Автор, следуя за отечественным исследователем Э. Я. Баталовым, прибегает к ее расширительному пониманию, охватывающему не только непосредственно правила, на основании которых выстраиваются взаимодействия между государствами, но и принципы, которые их обосновывают, а также организации, которые их воплощают [4, с. 6–25]. Подобный подход позволяет комплексно осуществить анализ международного регулирования.

В отечественной литературе накоплен богатый опыт изучения американской стратегии в отношении актуальных проблем поддержания и реформирования международного порядка. Важнейшая роль в исследовании вопроса принадлежит фундаментальным трудам Т. А. Шаклеиной [5–6]. Выводы настоящей статьи в значительной степени коррелируют с их основными положениями. Вместе

с тем она позволяет по-новому структурировать анализ американской политики на основе разработанной автором типологии стратегий. Исследование также дополняет прежние работы, фокусируя внимание на политике США непосредственно по отношению к международным институтам и акцентируя экономическое измерение мирорегулирования.

Основная часть настоящей статьи включает пять разделов, организованных преимущественно по хронологическому принципу. В первом представлен общий теоретический подход, на основании которой проводится дальнейший анализ. Второй и третий разделы посвящены политике США 1990-х годов в отношении глобальной системы экономического регулирования и институтов поддержания международной безопасности соответственно. После этого рассматривается смена американского курса в период правления администрации Дж. Буша-мл. Далее проанализирован подход команды Б. Обамы к восстановлению доминирующих позиций США в международной системе с конца 2000-х годов. Основные выводы проведенного исследования резюмированы в заключении.

Логика формирования и перестройки международного порядка. Международный порядок представляет собой комплекс базовых институтов, определяющих основные параметры регулирования системы политических отношений между государствами. Х. Булл выделял в качестве ключевых оснований любого социального порядка обеспечение права на жизнь, права на собственность и гарантий выполнения его участниками принятых на себя обязательств [7, р. 4–5].

В отсутствие этих институтов отношения приобретают характер войны всех против всех. Вместе с тем наличие порядка не исключает возможность введения ограничений на реализацию каждого из базовых прав, а также их эпизодических нарушений до тех пор, пока существующая регулятивная среда воспринимается критической массой участников в качестве справедливой и лучшей из реально возможных.

Аналогичным образом международный экономический порядок определяется базовыми институтами, обеспечивающими функционирование мирового хозяйства. В первую очередь такое регулирование гарантирует стабильность торговых и инвестиционных потоков, а также расчетов по ним.

В системе международных отношений ведущую роль в установлении и поддержании порядка играют крупнейшие мировые держа-

вы [8; 1; 9]. Они получают выгоду от общих правил игры, снижающих потребность в применении насилия для принуждения других игроков к выполнению предпочтений доминирующих государств. Участие в формировании порядка предоставляет крупным державам возможность институционализировать собственные предпочтения и влияние, внедрив их в создаваемую систему регулирования.

В то же время строящиеся институты накладывают ограничения на использования материального преобладания в международной политике и тем самым могут порождать барьеры реализации интересов ведущих государств. Международное регулирование характеризуется инерционностью. В связи с этим оно может не успевать адаптироваться к меняющимся предпочтениям их создателей. Эта проблема обостряется в условиях динамического перераспределения потенциалов в системе, когда отрыв прежде доминировавших держав от конкурентов уменьшается.

В результате отношение крупных держав к институтам международного порядка носит амбивалентный и изменчивый характер. В условиях, когда элементы действующей системы регулирования начинают на постоянной основе вступать в противоречие с предпочтениями государства, последнее вынуждено выбирать из трех возможных стратегий: приспособление к существующим правилам игры; их обход и обструкция; адаптация институтов в соответствии со своими предпочтениями.

Большинство стран вынуждены преимущественно следовать первому пути, лишь эпизодически прибегая ко второму. Ведущие игроки в международной системе отличаются тем, что для них более предпочтительными могут стать действия в обход институтов или же политика сознательной их перестройки. Более того, совершаемый ими выбор имеет значение для перспектив сохранения и эволюции международного порядка.

Игнорирование или нарушение правил игры государством, которое стояло у их истоков имеет серьезное делегитимирующее влияние на всю регуляторную среду². В то же время пренебрежение существующими институтами может выражаться в отказе от поддержания дорогостоящих обязательств, направленном на снижение издержек крупной державы.

² О роли легитимности в поддержании порядка см. [10].

Политика реконструкции действующих институтов может привести даже к укреплению международного порядка, если будет способствовать их модернизации на основе консенсуса ведущих держав (как это, например, произошло в начале 1970-х годов в сфере регулирования международных финансов после отказа США от жесткой привязки доллара к золотому стандарту). Вместе с тем такой стабилизирующий эффект возможен только в случае отсутствия влиятельной оппозиции перестройке существующих правил. В последнем случае попытки поменять действующие нормы будут приводить к возрастанию конфликтности в международной системе [2].

Опыт политики Соединенных Штатов после окончания холодной войны демонстрирует различные способы реагирования ведущей мировой державы на расхождения между ее интересами и существовавшими нормативными ограничениями. Он также связан с различными структурными контекстами, в которых осуществлялась американская стратегия, что определило инверсию в отношении США к существующей институциональной среде.

Политика расширения западных институтов после окончания холодной войны. В 1990 г. в выступлении перед американским Конгрессом президент США Дж. Буш-ст. заявил о становлении «нового мирового порядка»³. Эта речь получила статус программной и отражала представления о том, что после холодной войны в международной политике утвердятся новые правила игры. Содержание этих правил формулировалось расплывчато и трактовалось по-разному.

Целостного понимания желаемого направления дальнейшей эволюции мирового порядка в начале 1990-х годов не было в самой американской администрации [11, p. 553–555]. Вместе с тем Соединенные Штаты относительно быстро сориентировались, что после распада Советского Союза структурные ограничения в отношении их политики со стороны международной среды значительно ослабли. США оперативно отказались от логики глобального соуправления в партнерстве с Москвой, которая обсуждалась М. С. Горбачевым и Дж. Бушем-старшим с конца 1980-х годов⁴.

³ *Bush G.* Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. 1990. Sept. 11. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18820>.

⁴ *Hoffman D.* Bush and Gorbachev Hail New Cooperation // *The Washington Post*. 1989. Dec. 4. <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/summit/archive/dec89.htm>.

В этих условиях, поддерживая риторику построения нового кооперативного международного порядка, Вашингтон пошел по пути распространения давно существовавших институтов западного общества в глобальном масштабе. Эти институты создавались при ведущей роли Соединенных Штатов и отражали их интересы. Доказав способность структурировать отношения внутри коалиции развитых стран и их клиентов в период холодной войны, они представлялись набором проверенных, надежных механизмов регулирования международной среды.

После смены руководства в США и прихода к власти У.Клинтона ориентация на адаптацию действовавших институтов получила официальное закрепление в Стратегии национальной безопасности, которая базировалась на доктрине «расширения и вовлечения». Основной упор в документе делался на необходимости «адаптировать и сконструировать глобальные институты, которые помогут обеспечить безопасность и повысить экономический рост по всему миру»⁵. В то же время Соединенные Штаты относительно быстро осознали, что возможности экспорта западной системы мирохозяйственного регулирования и международного политического порядка различались.

США удерживали преобладающие позиции в мировой экономике еще ранее на протяжении всего периода холодной войны. Однако с середины 1940-х годов их отрыв от других развитых стран неуклонно уменьшался. Вместе с тем Соединенные Штаты сохраняли преобладающее влияние в бреттон-вудских институтах (Всемирный банк и Международный валютный фонд — МВФ) и Генеральном соглашении по тарифам и торговле (англ. *General Agreement on Tariffs and Trade, GATT, ГАТТ*) [12, p. 123–124].

Доминирование американоцентричных институтов в мировой экономике подтвердило присоединение к ГАТТ еще в 1960–1970-х годах ряда социалистических стран (Венгрия — 1973, Польша — 1967, Румыния — 1971, Югославия — 1966) [13, p. 539–554]. Более того, Румыния присоединилась в 1972 г. также к Всемирному банку и МВФ. В 1980-х годах за ней последовали Венгрия и Польша, а с 1990 г. и другие постсоциалистические и постсоветские государства. Дискредитация марксистской экономической модели на рубеже 1980–

⁵ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. Febr. 1995. <http://www.dtic.mil/doctrine/doctrine/research/nss.pdf>.

1990-х годов, а также распад Совета экономической взаимопомощи и связанных с ним механизмов координации экономического сотрудничества стран социалистического лагеря окончательно устранили альтернативу западным механизмам регулирования международной торговли и финансов.

Универсализация бреттон-вудских институтов как глобальных механизмов финансового регулирования завершилась уже к 1994 г. (в дальнейшем к Всемирному банку и МВФ присоединялись только новообразовавшиеся государства; единственными заметными государствами, не являющимися их членами, остаются Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Куба). Аналогичный процесс в сфере торговой либерализации затянулся еще на два десятилетия, в связи с более сложным процессом присоединения к ГАТТ (впоследствии Всемирной торговой организации — ВТО) и необходимостью для стран принимать более болезненные обязательства. На 2016 г. около 30 стран оставались за пределами глобального торгового режима, хотя они и составляют незначительную долю мирового валового продукта.

Соединенные Штаты активно отстаивали либерализацию мировой экономики на протяжении 1990-х годов на основе неолиберальной модели «вашингтонского консенсуса». Последняя требовала от государств приоритизации сдерживания инфляции и государственных расходов, открытия национального хозяйства международным потокам товаров и капитала и дерегулирования рынка [14]. Положения «вашингтонского консенсуса» закреплялись в качестве условий доступа к кредитам западных стран и международных институтов. Острая потребность развивающихся и постсоциалистических государств в финансовых ресурсах обеспечивала эффективность такого инструмента распространения неолиберальной модели.

Кроме того, важнейшим достижением политики США стало преобразование ГАТТ в ВТО по результатам Уругвайского раунда в 1995 г.⁶ Если прежде основным объектом международного регулирования выступала торговля продукцией обрабатывающей промышленности, заключенные соглашения позволили распространить его действие на сельскохозяйственный сектор, сферу услуг и осуществление инвестиций.

⁶ Agreement Establishing the World Trade Organization. 1994. Apr. 15. https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto.pdf.

Таким образом, в 1990-х годах США концентрировались не только на расширении географического охвата ранее существовавших западных институтов, но и на распространении их воздействия на новые сферы международного взаимодействия. Кроме того, они добивались углубления проникновения институтов глобального регулирования. Американское правительство исходило из способности сформировать мировой экономический порядок, который бы в полной мере соответствовал интересам Соединенных Штатов и закреплял бы их преобладание в международной системе [11]. В значительной степени им удалось достигнуть поставленных целей, но долгосрочное влияние институтов на сохранение доминирования США в мировой экономике оказалось более противоречивым, чем они ожидали.

Попытки перестройки глобальных институтов безопасности в 1990-х годах. По аналогии с экспансией западных институтов в экономической сфере, США рассчитывали на перестройку системы обеспечения международной безопасности. Потребность в такой реконструкции объяснялась переоценкой угроз после окончания холодной войны. В новых условиях вызовы безопасности Соединенных Штатов и других западных стран уже не ассоциировались с междержавной конкуренцией. Они связывались с внутренними проблемами стран, дефицитом государственности и неспособностью правительств отвечать на запросы собственного населения в отношении расширения индивидуальных свобод, рыночной экономики и политического плюрализма [15, p. 150–155].

В рамках произошедшего переосмысления риски международной стабильности стали восприниматься как производные дестабилизации в первую очередь в странах, переживающих переход от социалистической системы к рыночно-демократической модели. Позднее оно привело к формированию концепций «ограниченного суверенитета» и «гуманитарных интервенций», которые обосновывали возможность вмешательства (в том числе с использованием военного инструментария) в дела государств, неспособных или не желающих соответствовать установленным США и другими западными странами стандартам защиты прав человека и поддержания порядка в стране [16, p. 68–71].

Для ответа на новый набор угроз Вашингтон рассчитывал на возможности НАТО (англ. *North Atlantic Treaty Organization, NATO*) как важнейшего военно-политического института западного со-

общества [17, p.763–787]. Вместе с тем реализация американских устремлений затруднялась двумя обстоятельствами. Во-первых, в сфере международной безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне в Европе сохранялись институты биполярного порядка, в которых Соединенные Штаты не располагали безоговорочным доминированием. Во-вторых, сам блок НАТО оставался гораздо более эксклюзивным институтом даже по сравнению с ВТО (а уж тем более со Всемирным банком и МВФ), что снижало его легитимность.

В результате стратегия США предполагала маргинализацию альтернатив западному блоку при одновременном вовлечении в сотрудничество с ним широкого круга игроков. Последнее осуществлялось на условиях младших партнеров — фактически без права голоса в отношении ключевых вопросов поддержания международной безопасности⁷.

Еще в 1993 г. американский сенатор-демократ Р. Лугар заявил, что НАТО должен выйти за пределы зоны традиционной ответственности или исчезнуть (“out of area or out of business”)⁸. Этот слоган лег в основу последующего расширения экспедиционной деятельности блока. В 1993–1995 гг. НАТО осуществил поэтапное вмешательство в боснийский конфликт на основании действовавших резолюций Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН) и прямых запросов Генерального секретаря ООН [19, pp. 1–22]. Альянс впервые продемонстрировал способность не только обеспечить коллективную оборону своих членов, но и проводить операции в третьих странах. Он также стремился позиционировать себя как уникальный институт, способный обеспечивать правоприменение на международной арене на фоне дефицита военного потенциала у ООН и других международных организаций.

На протяжении 1990-х годов Соединенные Штаты также неоднократно претендовали на выполнение схожих функций «международного полицейского» уже в индивидуальном формате (без подключения структур Североатлантического альянса) — в частности, в Сомали и Ираке. При этом они вольным образом реинтерпрети-

⁷ А. Д. Богатуров обозначил эту политику как стратегию «навязанного консенсуса»: *Богатуров А. Д.* Стратегия «навязанного консенсуса» // Независимая газета. 2003. 4 февр. http://www.ng.ru/ideas/2003-02-04/11_strategy.html.

⁸ Цит. по: [18, p.33].

ровали решения легитимных международных институтов, несмотря на протесты со стороны других международных игроков.

В 1999 г. в контексте кризиса в Косово США и их союзникам не удалось провалить резолюцию об использовании силы против Югославии через СБ ООН. Традиционные институциональные механизмы в первый раз столь явно работали на сдерживание американских амбиций [20, pp. 828–834]. В этих условиях Соединенные Штаты продемонстрировали готовность использовать НАТО не только как исполнителя решений, согласованных на других площадках, но и заместить ООН в качестве ключевого механизма мирорегулирования. Операция против Югославии легитимизировалась западным консенсусом, который воплощал Североатлантический альянс.

Результаты эволюции НАТО в 1990-х годах были закреплены в его обновленной Стратегической концепции, которая фиксировала претензии блока на превращение в глобальный институт безопасности и его готовность действовать за пределами традиционной сферы ответственности⁹. Расширение функционала Североатлантического альянса в вопросах мирорегулирования осуществлялось не только за счет игнорирования исключительных полномочий СБ ООН, но также приводило к маргинализации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

ОБСЕ создавалась как общерегиональная площадка политического диалога и, в отличие от НАТО, не располагала механизмами совместного военного планирования и скоординированных действий своих участников. Кроме того, присутствие в этом объединении России, которая с середины 1990-х годов стала занимать более критическую позицию в отношении американского курса, не позволяло Соединенным Штатам полагаться на нее как на институт проведения собственной политики. В результате, Вашингтон и его союзники стремились перепрофилировать ОБСЕ на правозащитную тематику при снижении ее значения как института европейской безопасности [21, pp. 370–394].

Закреплению НАТО в качестве наиболее влиятельного регионального института в Европе способствовала его географическая экспансия. Соответствующий процесс был инициирован США в середине 1990-х годов, как инструмент стабилизации бывших пост-

⁹ The Alliance's Strategic Concept Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D. C. 1999. Apr. 24. https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm.

социалистических стран, который также позволил бы укрепить их евроатлантическую ориентацию, обеспечить необратимость рыночных и демократических преобразований. В 1997 г. было принято решение о присоединении к блоку в течение двух лет Венгрии, Польши и Чехии. В 2004 г. в ходе второй волны расширения в него вошли еще семь стран.

Несмотря на расширение, Альянс оставался эксклюзивным клубом, поэтому его претензии на статус центрального института в сфере поддержания глобальной безопасности вызывали недовольство стран, в него не входящих (в первую очередь, России). Даже на евроатлантическом пространстве альянсу сложно было бы обосновать легитимность собственных амбиций только за счет потенциала своих государств-членов — они не составляли большинства участников в ОБСЕ до 2017 г.

Для укрепления роли блока в Европе и на мировой арене НАТО с начала 1990-х годов стал выстраивать сеть преференциальных отношений с государствами, остающимися за пределами блока. В рамках такой политики в 1991 г. был создан Совет североатлантического сотрудничества (в 1997 г. преобразованный в Совет евроатлантического партнерства), направленный на выстраивание диалога с постсоциалистическими и постсоветскими государствами.

В 1994 г. НАТО также запустил программу «Партнерство ради мира», охватившую практически все европейские страны [22, pp. 61–81]. В отличие от Совета североатлантического сотрудничества она предполагала выстраивание дифференцированного взаимодействия с каждым контрагентом в отдельности. Параллельно в том же году Североатлантический альянс аналогичный формат индивидуальных партнерств предложил ряду стран Ближнего Востока в рамках Средиземноморского диалога¹⁰.

В 2000-х годах на фоне глобализации деятельности НАТО блок стал больше внимание уделять развитию партнерств за пределами Евроатлантического пространства и своих южных соседей. В 2004 г. была запущена Стамбульская инициатива сотрудничества, ориентированная на развитие кооперации НАТО с малыми государствами Персидского залива¹¹. Кроме того, был установлен ряд двусторон-

¹⁰ NATO Mediterranean Dialogue. NATO. 2015. Febr. 13. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_60021.htm.

¹¹ Istanbul Cooperation Initiative (ICI): Reaching out to the broader Middle East. NATO. 2011. Nov. 18. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_58787.htm.

них партнерств с отдельными странами, представляющими различные регионы мира (Австралией, Афганистаном, Ираком, Колумбией, Монголией, Новой Зеландией, Пакистаном, Южной Кореей, Японией), — развитие большинства из этих партнерств было обусловлено проведением операции в Афганистане.

Наибольшее внимание при развитии партнерской сети США и их союзники уделяли развитию сотрудничества с главным критиком блока — Россией. Принципы взаимодействия с ней были оформлены в 1997 г. в виде основополагающего акта двусторонних отношений. На основе этого документа был также создан Постоянный совет сотрудничества, который в 2002 г. был перестроен в Совет Россия — НАТО.

Несмотря на стремление к формированию привилегированных отношений с Москвой, США и их союзники исключали возможность подключения ее, как и других партнеров, к совместному принятию решений, а значит, и к влиянию на деятельность НАТО [23]. В сочетании с продавливанием ведущей роли Североатлантического альянса в поддержании глобальной безопасности, такой курс приводил к ограничению представленности голоса внешних игроков в вопросах мирорегулирования.

Стратегия обхода международных институтов в политике США 2000-х годов. На протяжении 1990-х гг. Соединенные Штаты стремились влиять на международную среду через систему институтов, в которых они занимали привилегированное положение. Эта политика проводилась за счет распространения элементов западного порядка времен холодной войны на развивающиеся и постсоциалистические страны, замещения или маргинализации иных механизмов, но допускала учет в процессе осуществления мирорегулирования мнения ближайших союзников и партнеров. Подобная ситуация была определена отечественным исследователем А. Д. Богатуровым как «плюралистическая однополярность» [24, с. 7–8].

Поведение США в первое десятилетие после окончания холодной войны соответствовало третьему варианту стратегии государства в отношении международных институтов, представленному в первом разделе статьи. Оно было направлено на адаптацию институциональной среды в соответствии с американскими предпочтениями. В 2000-х годах политика Вашингтона в этой сфере принципиально изменилась. Администрация Дж. Буша-мл. продемонстрировала меньшую готовность к компромиссам, которые бы позволили про-

водить политику через многосторонние механизмы, и пошла по пути деконструкции институциональных ограничений американской мощи [25, с. 35–58].

Особенно явно этот подход проявился в отношении вопросов международной безопасности. Уже в 2001 г. при инициировании операции в Афганистане в ответ на террористические атаки 11 сентября Вашингтон фактически проигнорировал солидарность своих союзников по НАТО. Вместо того чтобы воспользоваться положением о коллективной обороне Североатлантического договора, он пошел по пути создания аморфной глобальной антитеррористической коалиции.

Прежний западный консенсус, поддерживавший доминирование США на международной арене, был расколот в результате американской военной интервенции в Ирак в 2003 г. Обвинения С. Хусейна в попытках создания оружия массового уничтожения и сотрудничестве с террористическими группировками не смогли убедить Бельгию, Германию, Турцию, Францию поддержать действия Соединенных Штатов. В результате в обоснование проведенной операции Вашингтон не мог апеллировать не только к резолюции СБ ООН, но и к решению НАТО [26, pp. 65–87].

Вместо опоры на постоянно действующий альянс США пошли по пути формирования разовых «коалиций желающих», состоящих из стран готовых безоговорочно поддерживать действия Соединенных Штатов. Стоит отметить, что таковых набралось изрядное количество (по американским подсчетам — более 50) [27, pp. 183–200]. Кроме того, подобные объединения сами по себе представляли разновидность механизма глобального управления, но опора на них свидетельствовала о деинституционализации мирорегулирования.

Соединенные Штаты также инициировали деконструкцию нормативных опор поддержания стратегической стабильности. В отличие от администрации У. Клинтона команда Дж. Буша-мл. не готова была вести трудный диалог с Москвой по ратификации Договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-2). Вместо этого США пошли на подписание нового документа о сокращении потенциалов двух стран, но он не был обеспечен верификационными механизмами. США в 2002 г. также в одностороннем порядке вышли из Договора о противоракетной обороне, отказавшись от прежних попыток согласовать его пересмотр с Москвой [28, с. 42–57].

В вопросах противодействия распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) США также пошли по пути частных решений, а не укрепления существующих институтов. Выдвинув стратегию активного противодействия попыткам приобретения ядерных вооружений такими странами, как Иран и КНДР, они запустили многостороннюю Инициативу по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) ОМУ, реализуемую вне рамок Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) или ООН [29]. Более того, практика ИБОР несовместима с действующим международным морским правом, так как предусматривает возможность задержания судов, перевозящих радиоактивные материалы и технологии, используемые в создании оружия массового уничтожения.

В сфере международного экономического регулирования США не пошли по пути отказа от существующих правил игры — они продолжили участвовать в деятельности Всемирного банка, МВФ, ВТО. В то же время ведущие международные институты на протяжении 2000-х годов переживали явные трудности. Положения «вашингтонского консенсуса» были дискредитированы серией финансово-экономических кризисов 1997–1998 гг. в странах Азии, Латинской Америки и России [30, р. 799].

В результате международный экономический порядок лишился своей идеологической опоры, а отдельные международные финансовые институты стали придерживаться кардинально различных оценок относительно корректировки своей политики. Всемирный банк признал недостатки неолиберальной модели экономического развития, стал выступать за ее смягчение и большую социальную ориентацию, но не смог предложить принципиальную альтернативу. МВФ, напротив, увязывал финансово-экономические кризисы с недостаточной либерализацией национальных хозяйств развивающихся и постсоциалистических стран [31, pp. 973–987].

США в 2000-х годах не смогли предложить новой концепции глобального экономического порядка взамен непопулярного «вашингтонского консенсуса». Более того, в 2004 г. американский аналитик Дж. К. Рамо выдвинул гипотезу о замещении неолиберальных подходов «пекинским консенсусом» — концепцией экономического развития, опирающейся на китайский опыт активного государственного участия в стимулировании и управлении национальным хозяйством [32]. Ее широкое признание в экспертном сообществе отражало растущие ожидания относительно будущего превра-

щения КНР в лидера глобальной экономики вместо Соединенных Штатов.

Снижение регулирующих возможностей Всемирного банка и МВФ было обусловлено не только дискредитацией «вашингтонского консенсуса». Стремительный рост в ведущих азиатских странах, а также крупнейших сырьевых экономиках девальвировал функцию кредитора последней инстанции, которую исполняли международные финансовые институты. Развивающиеся страны получили возможность привлекать значительные объемы частного финансирования и не нуждались в следовании либеральным правилам, устанавливаемым США. Показательным в этом отношении выступала готовность Китая игнорировать американские обвинения в манипуляции валютным курсом юаня¹².

Первое десятилетие XXI в. было также отмечено снижающейся способностью США направлять развитие мировой торговой системы. Еще в 1999 г. министерская конференция ВТО в Сиэтле закончилась провалом. Новый этап торговой либерализации был инициирован спустя два года в рамках Дохийского раунда. Тем не менее к 2006 г. переговоры зашли в тупик в связи с тем, что влиятельная группа развивающихся стран продемонстрировала способность блокировать предложения США и ЕС¹³.

В этих условиях США (как и другие крупные игроки) пошли по пути обхода существующей системы многостороннего регулирования за счет заключения частных преференциальных торговых соглашений. В период правления администрации Дж. Буша-мл. Вашингтон подписал 11 подобных документов (часть из них вступили в силу только в 2012 г. из-за проблем с ратификацией) — почти в три раза больше, чем за предыдущие два десятилетия¹⁴.

Таким образом, в вопросах развития мировой торговой системы, как и в других областях международного регулирования, Соединен-

¹² Hughes N. C. A Trade War with China? // The New York Times. 2005. Aug. 2. http://www.nytimes.com/cfr/international/20050701faessay-v84n4_hughes.html?page-wanted=print.

¹³ Fergusson I. F. World Trade Organization Negotiations: The Doha Development Agenda. CRS Report for Congress. 2011. Dec. 12. <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL32060.pdf>.

¹⁴ How Preferential Trade Agreements Affect the U.S. Economy. Congressional Budget Office. Sept. 2014. <https://www.cbo.gov/sites/default/files/114th-congress-2015-2016/reports/51924-tradeagreements.pdf>.

ные Штаты пошли по пути поиска частных решений в обход более широких многосторонних институтов. Подобная политика обеспечивала большую гибкость американскому курсу и снижала его зависимость от позиции других международных игроков. В то же время она отражала снизившуюся способность США адаптировать базовые структуры международного порядка под свои нужды.

Приспособление и попытки реконструкции международных институтов в стратегии Б. Обамы. Завершение правления Дж. Буша-мл. было отмечено ослаблением международных позиций Соединенных Штатов одновременно в нескольких областях. Увязание США в вооруженных конфликтах в Афганистане и Ираке привело к снижению их авторитета в международной политике. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., спровоцированный падением американского ипотечного рынка, подтвердил системообразующее значение их экономики для мирового хозяйства, но одновременно заставил сомневаться в ее динамичности и стабильности.

В этих условиях перед новым руководством Соединенных Штатов во главе с Б. Обамой, пришедшим к власти в 2009 г., стояла задача восстановления американского доминирования в международной системе [33, р. 2–16]. С учетом сравнительного снижения отрыва США от других держав подобная задача потребовала переосмысления отношения к основным институтам международного порядка.

В вопросах обеспечения международной безопасности Вашингтон постарался восстановить западный консенсус 1990-х годов, утраченный в период правления Дж. Буша-мл., и даже продемонстрировал готовность проявлять большее уважение к механизмам, сформированным в условиях биполярной системы. В сфере регулирования международных финансов США первоначально выразили согласие пойти навстречу пожеланиям восходящих держав, но позднее заняли менее кооперативную позицию. В то же время они инициировали перестройку мировой торговой системы в направлении, которое в наибольшей степени соответствовало бы их интересам.

Стратегия Б. Обамы характеризовалась стремлением укрепить отношения как с традиционными союзниками, так и с крупными незападными державами. В этой связи США вновь подтвердили свои обязательства в рамках НАТО и двусторонних альянсов. Они также организовали специальные механизмы регулярного многоуровневого диалога с Россией и Китаем. Более того, в обновленной Стратеги-

ческой концепции Североатлантического альянса была также подчеркнута необходимость активизации сотрудничества с Москвой¹⁵. Значимыми достижениями в области контроля над вооружением в период правления Б. Обамы стали новый российско-американский Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений и соглашение по иранской ядерной программе.

Соединенные Штаты отказались от практики масштабного использования силы без поддержки НАТО и в отсутствие санкционирующих резолюций СБ ООН. В этом отношении они вернулись к практике даже не конца 1990-х годов, а первого президентства У. Клинтона. Вместе с тем в ходе операции в Ливии в 2011 г. западные правительства (при участии США) пошли на крайне расширительное толкование и выход за пределы мандата СБ ООН по установлению беспилотной зоны. В результате проводившаяся операция по защите местного населения превратилась в инструмент смены режима в Триполи¹⁶.

Вашингтон также продолжил и даже интенсифицировал проведение ограниченных операций специальных сил и беспилотных летательных аппаратов против террористических организаций без одобрения международных институтов¹⁷. Кроме того, в ходе конфликтов в Ираке, Сирии и на Украине в 2010-х гг. он также подменял широкомасштабное присутствие американских войск направлением военных советников, вооружений и подготовкой локальных сил.

В целом Соединенные Штаты с конца 2000-х годов демонстрировали стремление адаптировать свои действия к существующим институциональным ограничениям, отказавшись от наиболее явных проявлений пренебрежения к международному праву. Они смогли вернуть доверие традиционных союзников, восстановив трансатлантическую солидарность, и расширить круг партнеров в Азии.

¹⁵ Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf.

¹⁶ Zenko M. The Big Lie about the Libyan War // Foreign Policy. 2016. March 22. <http://foreignpolicy.com/2016/03/22/libya-and-the-myth-of-humanitarian-intervention>.

¹⁷ Delman E. Obama Promised to End America's Wars — Has He? // The Atlantic. 2016. March 30. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-doctrine-wars-numbers/474531>.

Вступление в Восточноазиатский саммит отражало готовность Вашингтона присоединяться к институциональным форматам, которые были созданы без их участия.

При этом курс на укрепление отношений с альтернативными центрами силы оказался менее последовательным и успешным. С начала 2010-х годов наблюдалось осложнение отношений США с Россией и КНР. В результате ключевой механизм принятия решений по вопросам международной безопасности — СБ ООН — оказался фактически парализован при обсуждении ключевых политических вопросов (за исключением иранского и северокорейского).

В сфере международного экономического регулирования перед администрацией Б. Обамы стояли даже более серьезные вызовы, чем в связи с международным политическим порядком. Недовольство институтами поддержания международной безопасности в предыдущие годы демонстрировали, в первую очередь, сами Соединенные Штаты, в то время как необходимость реформирования системы управления мировым хозяйством озвучивалась множеством игроков.

Еще на завершающем этапе правления администрации Дж. Буша-мл. США организовали первый саммит «группы двадцати» для обсуждения путей выхода из мирового финансово-экономического кризиса. На последующие несколько лет этот форум превратился в центральную площадку координации крупнейших развитых и развивающихся стран по вопросам регулирования мировой экономики и международно-политической проблематике.

Одним из ключевых вопросов обсуждения на первых саммитах «группы двадцати» стало реформирование Всемирного банка и МВФ. Развивающиеся страны требовали пересмотра существующих квот (а значит, и влияния), а также системы управления в этих институтах, которые бы позволили отразить их возросшую роль в международных финансах. Весной 2010 г. было согласовано перераспределение голосов между странами во Всемирном банке¹⁸, а на Сеульской встрече министров финансов «группы двадцати» осенью того же года был согласован пакет реформ МВФ¹⁹.

¹⁸ World Bank Reforms Voting Power, Gets \$86 Billion Boost // The World Bank. 2010. Apr. 25. <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2010/04/25/world-bank-reforms-voting-power-gets-86-billion-boost>.

¹⁹ IMF Survey: G-20 Ministers Agree 'Historic' Reforms in IMF Governance // The International Monetary Fund. 2010. Oct. 23. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew102310a>.

В то же время реализация согласованных мер оказалась связана с трудностями. Важнейшую роль в пробуксовке реформы сыграло затягивание ратификации соглашения по МВФ в американском конгрессе. В ответ на действия США Китай и другие страны БРИКС пошли на создание инструментов, которые могли бы составить альтернативу бреттон-вудских институтов. В рамках этой политики были сформированы Новый банк развития, пул условных валютных резервов БРИКС, Азиатский Банк инфраструктурных инвестиций, а также Фонд Шелкового пути. На фоне этого давления в 2015 г. Соединенные Штаты завершили ратификационные процедуры и разблокировали реформу МВФ²⁰.

Если в вопросах перестройки международных финансовых институтов Вашингтон пытался затормозить изменения, заняв obstructionistскую позицию, то в регулировании международной торговли он стремился проводить более наступательный курс. С начала 2010-х годов администрация Б.Обамы старалась сместить акцент во внешнеполитическом дискурсе с концепта «свободной торговли» в сторону понятия «справедливая торговля»²¹. По сути, она критиковала тот самый неолиберальный экономический порядок, который сами Соединенные Штаты создавали в 1990-х годах.

Соединенные Штаты осознали, что данный порядок ставил американских производителей в невыгодное положение по сравнению с азиатскими конкурентами. Последние сохраняли высокие протекционистские барьеры и выигрывали за счет более низких социальных и экологических стандартов по сравнению с развитыми странами. В этой связи сохранение преобладания США в мировой экономике зависело от изменения глобального торгового режима. С учетом возросшего влияния развивающихся стран в ВТО рассчитывать на трансформацию существующего регулирования посредством переговоров в рамках этой организации было нереалистично.

В качестве альтернативы Соединенные Штаты инициировали создание двух сверхкрупных проектов преференциальных торговых

²⁰ *Chance D.* Senate passes IMF reform in budget bill // Reuters. 2015. Dec. 19. <https://www.reuters.com/article/us-usa-fiscal-imf/senate-passes-imf-reform-in-budget-bill-idUSKBN0U204J20151219>.

²¹ *Obama B.* Remarks by the President on Fair Trade // The White House. 2012. March 13. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/03/13/remarks-president-fair-trade>.

соглашений²²: Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Первое охватывало ряд стран АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии — англ. *Association of South East Asian Nations, ASEAN*) и Латинской Америки, Австралию, Японию, а также участников Североамериканского соглашения о свободной торговле НАФТА (англ. *North American Free Trade Agreement, NAFTA*). ТТИП предполагало достижение договоренности между США и Европейским союзом.

Оба соглашения должны были включить устранение тарифных барьеров между участниками, но основное внимание в них уделялось снятию нетарифных ограничений на внешнеэкономическую деятельность. Более того, с точки зрения американской стратегии их задача состояла не просто в создании зоны преференциального экономического взаимодействия между участниками, но и в формировании столь мощных блоков, что другие страны вынуждены были бы внедрить схожие требования. Тем самым США рассчитывали поменять невыгодные для них правила игры в обход ВТО.

Успеху переговоров между США и ЕС препятствовало наличие влиятельных групп интересов в Европе, выступавших против принятия американских стандартов, а также способность Брюсселя противостоять давлению Вашингтона по принципиальным для обеих сторон вопросам. Несмотря на аналогичные сложности в согласовании ТТП, этот процесс оказался более успешен, и в 2015 г. его участники вышли на подписание согласованного документа. В то же время к этому моменту в самих Соединенных Штатах возрос уровень социального недоверия к преференциальным торговым соглашениям. В результате администрация Б. Обамы не успела ратифицировать договор о ТТП до конца срока пребывания у власти, а новый президент Д. Трамп заявил о выходе США из него сразу после инаугурации²³.

Таким образом, в вопросах реформирования международно-экономического регулирования политика Соединенных Штатов

²² Рогов С. М. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets>.

²³ Baker P. Trump Abandons Trans-Pacific Partnership, Obama's Signature Trade Deal // The New York Times. 2017. Jan. 23. <https://www.nytimes.com/2017/01/23/us/politics/tpp-trump-trade-nafta.html>.

к середине 2010-х годов оказалась провальной. Вашингтон в целом устраивала система международных финансовых институтов, но не мировой торговый режим. Тем не менее ни попытки обструкции МВФ, ни усилия по формированию трансокеанических партнерств не привели к успеху. Причины таких результатов различались: в первом случае сказалось внешнее давление, во втором — дефицит общественной поддержки в самих Соединенных Штатах.

В то же время к 2017 г. Вашингтон вновь столкнулся с необходимостью пересмотра своего подхода к мировому экономическому порядку. Предвыборная риторика и последующая политика администрации Д. Трампа свидетельствуют о его скептическом отношении к международным институтам и стремлении обеспечить США «свободу рук»²⁴. Взгляды Трампа были ближе к воззрениям Дж. Буша-мл., чем У. Клинтона и Б. Обамы. В то же время ему необходимо было оперировать в условиях гораздо более конкурентной среды, чем та, которая имела место в начале 2000-х годов. В этой связи перед нынешним президентом стоят те же задачи, с которыми сталкивался его непосредственный предшественник, — адаптация Соединенных Штатов к международной системе, в которой материальное превосходство сократилось.

В этих условиях политика Д. Трампа строилась на фокусированном прямом давлении на ключевых оппонентов (Китай и Россию). Причем главным его компонентом выступила попытка экономического удушения с помощью тарифных ограничений и санкций, направленного на подрыв основ международной конкурентоспособности противников. В военной сфере США также проводили яркую демонстрацию силы, в том числе нарастив присутствие американских вооруженных сил в Восточной Европе и в Южно-Китайском море. Вместе с тем подобные запоминающиеся формы сигнализирования играют второстепенную роль в действиях Трампа.

Международные институты и традиционные союзники стали рассматриваться Трампом при проведении его политики как обуза, поэтому американская администрация либо в ультимативной форме требовала пересмотра правил игры, либо просто игнорировала их. В том числе она вышла из Парижского соглашения по климату,

²⁴ Transcript: Donald Trump's Foreign Policy Speech // The New York Times. 2016. Apr. 27. <https://www.nytimes.com/2016/04/28/us/politics/transcript-trump-foreign-policy.html>.

покинула состав ЮНЕСКО, фактически разрушила систему контроля вооружений, парализовала работу органов разрешения споров ВТО, вышла из Всемирной организации здравоохранения.

При этом в ряде случаев бескомпромиссное давление привело к пересмотру устоявшихся институциональных практик Вашингтон. Например, на фоне эмоциональной риторики о «смерти мозга» НАТО ему удалось добиться от европейских союзников повышения уровня военных расходов и частичного пересмотра прежнего спокойного отношения к расширению международной активности Китая.

Более того, политика Д. Трампа благодаря внешней экстравагантности имеет серьезный демонстрационный эффект. В этой связи в случае прихода администрации, более ориентированной на реализацию интересов через международные институты, возможности США по мобилизации поддержки партнеров серьезным образом возрастут. Возможные требования Вашингтона в этом случае будут представляться им более приемлемыми.

Заключение. Проведенный анализ свидетельствует, что на протяжении трех десятилетий Соединенные Штаты демонстрировали различные подходы к международным институтам. В американской стратегии по отношению к международному порядку в течение всего этого периода присутствовал изрядный компонент ревизионизма. В 1990-х годах он определялся стремлением заместить механизмы координации биполярного периода институтами западного сообщества. В первой половине 2000-х — желанием минимизировать институциональные издержки американской мощи. С конца 2000-х — попытками перестроить правила игры, чтобы сохранить отрыв от потенциальных конкурентов.

Среда осуществления внешней политики Вашингтона за этот период существенно изменилась, снижая способность страны направлять перестройку международных институтов. Вместе с тем поведение США, по крайней мере отчасти, определялось стратегическим выбором сменяющихся правящих администраций. Демократические команды У.Клинтона и Б.Обамы стремились мобилизовывать институциональные механизмы для мультипликации американской мощи. За это им приходилось расплачиваться необходимостью поддержки консенсуса среди союзников. Дж.Буш-мл. и Д.Трамп отдавали предпочтение сохранению «свободы рук», стремясь минимизировать влияние институциональных пут.

Таким образом, как стратегии опоры на институты, так и скепсис в отношении международного регулирования находили воплощение и в условиях явного американского доминирования, и на фоне ослабления преобладания США в мировой системе.

Литература

1. *Gilpin R.* War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
2. *Organski A. F. K., Kugler J.* The war ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 292 p.
3. *Ikenberry G. J.* After victory: Institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 p.
4. *Баталов Э. Я.* Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14, №. 1. С. 6–25.
5. *Шаклеина Т. А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 445 с.
6. *Шаклеина Т. А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
7. *Bull H.* The anarchical society: a study of order in world politics. London: Macmillan, 2012. 335 p.
8. *Waltz K.* Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
9. *Kindleberger C. P.* The World in Depression, 1929–1939: Revised and enlarged edition. Berkeley: University of California Press, 1986. 355 p.
10. *Lake D. A.* Hierarchy in international relations. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 232 p.
11. *Ruggie J. G.* Third try at world order? America and multilateralism after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994. Vol. 109. No. 4. P. 553–570.
12. *Mastanduno M.* System maker and privilege taker // World Politics. 2009. Vol. 61, no. 1. P. 121–154.
13. *Grzybowski K.* Socialist Countries in GATT // The American Journal of Comparative Law. 1980. Vol. 28, no. 4. P. 539–554.
14. *Williamson J.* What Washington means by policy reform // Latin American adjustment: How much has happened. Washington, D. C.: Institute for International Economics, 1990. P. 90–120.
15. *Pouliot V.* International security in practice: the politics of NATO — Russia diplomacy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 282 p.
16. *Худайкулова А. В.* Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4. С. 67–79.
17. *Duffield J. S.* NATO's Functions after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994. Vol. 109, no. 5. P. 763–787.
18. *Asmus R.* Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. N. Y.: Columbia University Press, 2002. 372 p.
19. *Simma B.* NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects // European Journal of international law, 1999, vol. 10, no. 1. P. 1–22.

20. *Wedgwood R.* NATO's Campaign in Yugoslavia // *The American Journal of International Law*, 1999, vol. 93, no. 4. P. 828–834.
21. *Kropatcheva E.* Russia and the role of the OSCE in European security: a 'Forum' for dialog or a 'Battlefield' of interests? // *European security*, 2012, vol. 21, no. 3. P. 370–394.
22. *De Santis H.* Romancing NATO: Partnership for peace and East European stability // *The Journal of Strategic Studies*, 1994, vol. 17, no. 4. P. 61–81.
23. *Istomin I.* Negotiations under Disagreement: Limitations and Achievements of Russian-Western Talks on NATO Enlargement // *Tug of War: Negotiating Security in Eurasia* / Ed. by *F. O. Hampson, M. Troitskiy*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2017. P. 35–52.
24. *Богатуров А. Д.* Международный порядок в наступившем веке // *Международные процессы*. 2003. № 1. С. 6–23.
25. *Шаклеина Т. А.* Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3. С. 35–58.
26. *Kagan R.* America's crisis of legitimacy // *Foreign Affairs*, 2004, vol. 83, no. 2. P. 65–87.
27. *Newnham R.* "Coalition of the bribed and bullied?" US economic linkage and the Iraq War coalition // *International Studies Perspectives*, 2008, vol. 9, no. 2. P. 183–200.
28. *Веселов В. А.* Нераспространение ракетных технологий: вклад России в укрепление международного режима (часть вторая) // *Международные процессы*. 2012. Т. 10, № 30. С. 42–57.
29. *Фененко А. В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: URSS, 2007. 248 с.
30. *Gore C.* The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries // *World development*, 2000, vol. 28, no. 5. P. 789–804.
31. *Trinidad A. M. O.* Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: learning from a decade of reform // *Journal of Economic literature*. 2006, vol. 44, no. 4. P. 973–987.
32. *Ramo J. C.* *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Centre, 2004. 74 p.
33. *Obama B.* Renewing American leadership // *Foreign Affairs*, July-August 2007, no. 4. P. 2–16.

Контактная информация:

Истомин Игорь Александрович — канд. полит. наук, доц.; iaistomin@gmail.com

American strategy towards the world order after the Cold War

Igor A. Istomin

MGIMO University,

76, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

For citation: Istomin I. A. American strategy towards the world order after the Cold War. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 405–431. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.28> (In Russian)

After the end of the Cold War, the United States emerged as a country with the greatest economic and military capabilities, which was eager to play an active role in restructuring institutions of international order. This article aims to assess the U.S. record from the 1990s till mid — 2010s in global governance, assessing the main changes in its strategy during this period. The paper is organized mainly in accordance with a chronological principle. However, considerations on the American policies are preceded by the exploration of the theoretical discussion on the main contradictions in the attitude of major powers towards international orders. After that, the strategies of three U.S. administrations dealing with global economic regulation and institutions for maintaining international security are consistently analyzed. The paper demonstrates that during the last quarter of a century the United States pursued a wide range of policies towards international institutions. The environment in which Washington conducted its foreign policy changed dramatically, reducing its ability to direct the restructuring of international norms. Nevertheless, the U.S. approach, at least in part, was shaped by the strategic choices made by its leadership. Moreover, Washington's policies throughout this period clearly diverged from expectations set in the theoretical literature as they included a major revisionist component.

Keywords: United States, foreign policy strategy, international organizations, international security, NATO, global economy, international financial institutions, WTO.

References

1. Gilpin R. *War and change in world politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 272 p.
2. Organski A. F. K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 292 p.
3. Ikenberry G. J. *After victory: Institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 293 p.
4. Batalov E. Ya. New Institutionalization of World Politics, *Mezhdunarodnye protsessy*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 6–25. (In Russian)

5. Shakleina T. A. *Russia and the USA in the New World Order*. Moscow, Institut USA and Canada Press, 2002. 445 p. (In Russian)
6. Shakleina T. A. *Russia and the USA in World Politics*. Moscow, Aspekt Press, 2012. 272 p. (In Russian)
7. Bull H. *The anarchical society: a study of order in world politics*. London, Macmillan, 2012. 335 p.
8. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston, McGraw-Hill, 1979. 251 p.
9. Kindleberger C. P. *The World in Depression, 1929–1939: Revised and enlarged edition*. Berkeley, University of California Press, 1986. 355 p.
10. Lake D. A. *Hierarchy in international relations*. Ithaca, Cornell University Press, 2009. 232 p.
11. Ruggie J. G. Third try at world order? America and multilateralism after the Cold War. *Political Science Quarterly*, 1994, vol. 109, no. 4, pp. 553–570.
12. Mastanduno M. System maker and privilege taker. *World Politics*, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 121–154.
13. Grzybowski K. Socialist Countries in GATT. *The American Journal of Comparative Law*, 1980, vol. 28, no. 4, pp. 539–554.
14. Williamson J. What Washington means by policy reform. *Latin American adjustment: How much has happened*. Washington, D. C., Institute for International Economics, 1990, pp. 90–120.
15. Pouliot V. *International security in practice: the politics of NATO-Russia diplomacy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. 282 p.
16. Khudaikulova A. V. Novelty in Management of International Conflicts. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2016, vol. 14, no. 4, pp. 67–79. DOI 10.17994/IT.2016.14.4.47.5. (In Russian)
17. Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War. *Political Science Quarterly*, 1994, vol. 109, no. 5, pp. 763–787.
18. Asmus R. *Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era*. New York, Columbia University Press, 2002. 372 p.
19. Simma B. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects. *European Journal of International Law*, 1999, vol. 10, no. 1, pp. 1–22.
20. Wedgwood R. NATO's Campaign in Yugoslavia. *The American Journal of International Law*, 1999, vol. 93, no. 4, pp. 828–834.
21. Kropatcheva E. Russia and the role of the OSCE in European security: a 'Forum' for dialog or a 'Battlefield' of interests? *European security*, 2012, vol. 21, no. 3, pp. 370–394. (In Russian)
22. De Santis H. Romancing NATO: Partnership for peace and East European stability. *The Journal of Strategic Studies*, 1994, vol. 17, no. 4, pp. 61–81.
23. Istomin I. Negotiations under Disagreement: Limitations and Achievements of Russian-Western Talks on NATO Enlargement. *Tug of War: Negotiating Security in Eurasia*. Ed. by F. O. Hampson, M. Troitskiy. Montreal, McGill-Queen's University Press, 2017, pp. 35–52.
24. Bogaturov A. D. International Order at the Turn of the XXI Century. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2003, no. 1, pp. 6–23. (In Russian)

25. Shakleina T.A. Evolution of the U.S. Global Strategy (2001–2011). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25 Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2011, no. 3, pp. 35–58. (In Russian)
26. Kagan R. America's crisis of legitimacy. *Foreign Affairs*, 2004, vol. 83, no. 2, pp. 65–87.
27. Newnham R. "Coalition of the bribed and bullied?" US economic linkage and the Iraq War coalition. *International Studies Perspectives*, 2008, vol. 9, no. 2, pp. 183–200.
28. Veselov V. A. Nonproliferation of Missile Technologies: Russian Contribution to the Strengthening of the International Regime (part two)]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 30, pp. 42–57. (In Russian)
29. Fenenko A. V. *Theory and Practice of Counterproliferation in Foreign Policy Strategy of the USA*. Moscow, URSS, 2007. 248 p. (In Russian)
30. Gore C. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries. *World development*, 2000, vol. 28, no. 5, pp. 789–804.
31. Trinidad A.M. O. Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: learning from a decade of reform. *Journal of Economic literature*, 2006, vol. 44, no. 4, pp. 973–987.
32. Ramo J. C. *The Beijing Consensus*. London, Foreign Policy Centre, 2004. 74 p.
33. Obama B. Renewing American leadership. *Foreign Affairs*, July-August 2007, no. 4, pp. 2–16.

Author's information:

Igor A. Istomin — PhD in Political Science, Associate Professor;
iaistomin@gmail.com